

Арьергардные бои теоретической социологии

К первому семинару Logica socialis

Возможно, одним из наиболее примечательных изменений в наших социальных науках и родственных им дисциплинах стало в последние годы явное затухание интереса к вопросам теоретико-социологическим при одновременном пробуждении интереса к политической философии и этике. Речь идет не о количестве или качестве публикаций, но лишь о том, что «духом времени зовется». Политическая философия пользуется все большим вниманием, в теоретической социологии, строго говоря, не происходит вообще ничего. Это заслуживает интереса как социальный феномен, а уже во вторую или третью очередь критики. Попробуем диагностировать ситуацию в терминах социологических.

Социология входит в состав общества как область особым образом организованных коммуникаций, и нет ничего более очевидного, чем зафиксировать не очень простое, но в целом понятное отношение между ними. Социологи наблюдают общество, но ведь и живут они в обществе; их наука, таким образом, оказывается обращением общества на себя самое, воплощением его рефлексивности. Однако статус ее сомнительный. Она давно институционализована в качестве научной и учебной дисциплины, точнее, целого набора дисциплин, но практически не опознается как привилегированный наблюдатель или сообщество наблюдателей. Это связано со спецификой науки, устройства научного знания вообще и научного знания об обществе в частности. У большинства наук нет конкурентов в тех областях, где они достигают наибольшей технической сложности и углубления в свой предмет. У социологии такие конкуренты есть, и они множатся.

Научная коммуникация в социологии тоже может быть устроена герметическим образом, так, чтобы сам язык науки, технически сложный, правила допуска в круг полноправных участников обсуждения научных тем, легитимные способы аргументации и тому подобное делали ее труднодоступной. Но каковы шансы на то, что малопонятное и труднодоступное знание будет опознаваться в обществе как знание общества о себе самом? Кто заметит его и почему признает эту инстанцию наблюдения? Когда социальная жизнь устроена строго иерархически, статус знания, в конечном счете, связан с борьбой за признание со стороны «короны», за место подле «трона», а точнее говоря, с исходом этой борьбы. Чем менее прочна и однозначна иерархия, тем больше возникает социальных локусов (мест в пространстве социальных позиций) для более или менее автономного производства знания, в том числе и знания, которое участники коммуникации идентифицируют как науку.

Номинально, то есть получив имя, социология возникла именно в пространстве борьбы за признание, в лоне маленькой секты позитивистов, воодушевленных замыслом Конта создать великую религию человечества. Наука приходила на смену богословии и метафизике, а в иерархии наук социология занимала высшее место, соединяя объяснение с целеполаганием и организацией культа своего собственного предмета познания. Это была внутренне противоречивая затея, задача не могла быть решена, но то обстоятельство, что два великих научных движения XIX в., социология и социализм, претендовали на объединение человечества с позиций привилегированного наблюдателя, произвольно комбинирующего знания и веру, оказало огромное влияние на последующие эпохи. В наши дни это перестало быть актуальным даже как воспоминание. Социология сумела победить как наука, проиграв как церковь; она, конечно, и не смогла бы стать единственной наукой об обществе, но в некоторые эпохи добивалась более значительного влияния, чем то, которое она имеет теперь. В обществе, где дискурсивные сообщества конкурируют между собой, добиться статуса привилегированного

наблюдателя невозможно. Мы знаем, как многообразны в наши дни социальные науки и как много школ и направлений внутри самой социологии. Об этом уже много написано. Мы подходим к этой теме по-другому.

Пока социальная наука входит (или претендует на вхождение) в состав грандиозного проекта модерна, она, вместе со другими сравнительно малочисленными профессиями, выступает как носитель научной рациональности или даже *импортер* этой рациональности в мир повседневности. Чем больше становится областей деятельности, в которых нужны не более или менее традиционные умения, в лучшем случае, – устаревшие концепции, *профессиональная компетентность действующих*, так или иначе основанная на научной рациональности (какие бы удивительные превращения она ни претерпевала в практике повседневных взаимодействий), тем меньше почтения вызывает социология. Она теперь – всего лишь *одна из* наук, которая парадоксальным образом стала не бенефициаром, но жертвой успеха модернизаций. Многие понятия и объяснительные принципы социальных наук встречаются в повседневных коммуникациях. Иначе говоря, привилегированному положению науки мешает рефлексивность модерна, встроенная в очень многие повседневные, а не только профессиональные коммуникации.

Любая более или менее продолжительная, не прекращающаяся сразу после первых событий (обмена репликами в разговоре) коммуникация принципиально рефлексивна; ее течение может быть несколько изменено, когда от своей основной темы, т.е. того, что является предметом обсуждения для ее участников, она обратится на себя самое. «О чем же мы говорим?» – такая постановка вопроса возможна чуть ли не в любом разговоре, при любом взаимодействии. Тема разговора иногда нуждается в уточнении, характер обсуждения темы требует специального рассмотрения – таковы характерные способы самотематизации коммуникации. Но, помимо этого, столь же обычна и тематизация контекста коммуникации, а не только правил признания истинности или искренности суждений. При этом внимание участников переключается с собственно предмета разговора на более или менее широко понимаемую ситуацию разговора и/или тот более широкий контекст, в котором размещается предмет разговора. «Что творится вокруг нас, в нашем доме, в городе, в стране, в мире, пока мы тут говорим?» – это повседневное обсуждение социального контекста, это способ рефлексии, коммуникации об обществе в самом обществе. Мы обсуждаем не только то, что происходит с нами здесь и сейчас, но все то, что составляет условия нашего взаимодействия, будь то сообщения о погоде, о пробках, о валютном курсе или об изменениях в законодательстве. Конечно, можно было бы сказать, повторяя известный аргумент Хабермаса, что тем самым в жизненном мире мы пытаемся снова поставить под дискурсивный контроль именно то, что ушло из-под него, стало «системой». Однако это не единственно возможное продолжение рассуждений. Важнее то, что такие коммуникации тоже представляют собой «самоосмысление общества», но, так сказать, точечное, происходящее не непрерывно, не как единый процесс или несколько магистральных процессов, но в множестве событий коммуникации.

Социологи берутся за темы, актуальные для публики, но не вырастающие из внутренней логики развития научного знания. Это действительно общественно важные темы, не надуманные, не навязанные, но для того, чтобы сделать их темами научного исследования, не нужна никакая особая чувствительность, социология приходит в этом смысле «на готовое», практически отказавшись от опережающих действий. Общественная повестка дня оказывается научной, но не наоборот. Социология становится публичной в том числе и в расчете на ответную лояльность тех, от кого зависит отношение к науке. Это помогает поддерживать на ходу множество текущих проектов, но вряд ли обещает блестящее будущее. Здесь требуется нечто большее. Заглянуть за горизонт актуального в смысле прослеживания обнаруженных уже сегодня тенденций, способна богатая собранными данными позитивная наука. Заглянуть за горизонт актуального в смысле

предвидения тех проблем, которые окажутся на повестке дня в будущем, может только фундаментальная теория. Но кому и зачем требуется то, на что способна именно фундаментальная теория, ответить не так просто. Социология со все большим рвением выбирает публичность, и мы должны посмотреть, чем же это оборачивается для нее в начале XXI в.

В знаменитом манифесте публичной социологии М. Буравой самым решительным образом высказывает то, что составляет и особую притягательность, и наибольшую уязвимость прямого обращения социологии к насущным вопросам: «Мы потратили столетие, формируя профессиональное знание, переводя здравый смысл в науку, так что теперь мы более чем готовы к тому, чтобы приступить к систематическому обратному переводу, возвращая знание тем, от кого оно пришло, превращая частные невзгоды в публичные темы и, таким образом, возрождая моральный характер социологии». Публика многообразна, говорит он, многообразны и способы обращения к ней, но социология не должна быть исключительно публичной! Сердцевиной социологии остается профессиональное знание, а стремление сделать науку более ангажированной Буравой отвергает в пользу более уравновешенного подхода, утверждая, «что между профессиональной и публичной социологией должно быть и зачастую действительно есть взаимное уважение и синергия. Они совсем не являются несовместимыми, но похожи на сямских близнецов». Тем не менее, это, пожалуй, не звучит успокоительно.

Этому манифесту больше десяти лет, и, возможно, с тех пор желающих отгородиться от публичности стало среди социологов еще меньше, а сомнительный и неустойчивый баланс узко профессионального и публично ориентированного еще более внятно смещается в сторону последнего. В наши дни нет ничего более очевидного для социолога, чем «давать информацию для практики, политики и педагогики, формируя сотрудничество для содействия социальной справедливости», «устанавливать связи исследования с практикой в социальных контекстах там, где пересекаются между собой локальные, национальные и глобальные интересы». Если воспользоваться – с известными оговорками – старым, идущим от Аристотеля различием, сильно переосмысленным в последние десятилетия, можно говорить о смещении приоритетов в сторону практически пригодного знания, фронтисиса, а не теории.

Вопрос о том, насколько теоретически состоятельным является такой подход, должен был бы ставиться не как теоретический вопрос, но в некоторой иной плоскости, то есть быть обоснован в первую очередь как вопрос, который вообще надо ставить именно в такой форме.

В этой ситуации, быть может, не так интересно, есть ли шансы у «познания ради познания». Важно выяснить другое: не растрочены ли ею те ресурсы понимания и объяснения, которые и без того добывались в очень непростых условиях? Не случилось ли так, что социология, при всей методической изощренности стала слишком плоской, а ее усилия быть полезной могут оказаться тщетными именно потому, что цель эту она ставит слишком прямо? Судя по всему, на этот вопрос нельзя ответить в общей форме. Очевидно, что тот род знания, в который все более основательно, хотя и не полностью преобразуются социальные науки и который наследует понятию о практической мудрости, востребован куда больше герметичной и стерильной теории. Тем не менее, можно также исходить из того, что социальный ученый в какой-то момент окажется в положении врача, которого прогоняют прочь вовсе не за то, что здоровье пациента не улучшилось, несмотря на лечение, а только потому, что на его место снова претендуют невесты откуда взявшиеся сторонники новой, истинной теории. Собственно, именно к этому и подбираются ныне политические философы. Иначе говоря, приостанавливать теоретическую работу столь же опасно, как и надеяться на то, что ее результаты могут пользоваться спросом со стороны общества здесь и сейчас. Является ли такое положение дел безвыходным для теоретиков? Это и предстоит обсудить.